

**Зилов Лев Николаевич**

# **Стихотворения**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1  
ББК 84-5  
Л34

Л34      **Лев Николаевич З.**  
Стихотворения / Зилов Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 90 с.

**ISBN 978-5-519-86192-2**

**ISBN 978-5-519-86192-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.







## НА ЗАВОДѢ

Угрюмый, старый домъ съ пустынной, бѣлой залой,  
Съ колонками, съ прозрачнымъ фонаремъ,  
Гдѣ рододендроны сжились съ геранью алой  
И съ любознательнымъ увертливымъ плющемъ.

Блеститъ паркетъ своими ромбами у кресель;  
Стеклянными подставками рояль  
Дрожащихъ зайчиковъ подъ потолкомъ развѣсилъ  
И клавишей открытъ блестящую эмаль.

За окнами хлысты назойливыхъ акацій...  
Изрѣзанный, осколками сквозь нихъ  
Геритъ кусокъ рѣки... И нити варіацій  
Все вьетъ и вьетъ смычекъ изъ-за дверей глухихъ.

Прошлепають по лѣстницѣ, уронятъ  
Внизу, въ буфетной, вымытый подносъ...  
Протяжно, безъ конца гудокъ заводскій стонетъ  
И лаетъ, лаетъ, подвывая, песъ.

## ОЛАРЪ

Да — тихимъ вечеромъ бываетъ это! Дымно  
Кудрявить паръ угрюмый самоваръ.  
Стоять нетронутыми чашки, блюда, чайникъ...  
И, рядомъ, неразрѣзанный Оларъ.

Широкій столъ подъ скатертью съ кистями,  
Диванъ съ подушкой шитой, сѣрый котъ  
Въ углу дивана... Кто-то ходитъ долго  
Надъ потолкомъ, чего-то не найдетъ...

Отставленъ стулъ отъ пыльнаго пьянино;  
Въ сосѣдней комнатѣ забытая свѣча  
И отъ нея желто... Въ окнѣ, на смутной волѣ,  
Надъ западомъ два бронзовыхъ меча.

Зашевелился котъ, всталъ, выгнулся, лѣниво  
Вонзился лапами въ подушку, оглянулъ  
Холодный столъ, лизнулся, легъ, какъ прежде...  
Въ далекихъ комнатахъ упалъ неловкій стулъ.

И вдругъ: у оконъ вздрогнуть въ складкахъ шторы  
И томный вальсъ часы сыграютъ подъ стекломъ,  
И дверка застучитъ у печки — чей-то шепотъ,  
И электричество забрезжитъ надъ столомъ.

И пусть придутъ сюда, или нѣтъ — здѣсь будетъ  
то-же:

Урча, прольетъ воды ненужный самоваръ,  
Останутся нетронутыми чашки,  
И — будетъ не разрѣзаннымъ Оларъ.

## СКРИПКА

Смѣялось скрипки свѣтлое сопрано...  
Но онъ сказалъ: «doch bange wird es bald...»  
И горестный, родной рыданию, альтъ  
Затосковать, склонясь надъ фортепьяно.

Свѣча тянулась желтымъ лепесткомъ  
Въ розеткѣ красной... Были грустью свиты  
Пѣвучія слова меланхоличной сюиты  
Подъ ласковымъ, задумчивымъ смычкомъ.

Звенѣли въ тактъ пурпурныя розетки  
На бронзовыхъ пандалахъ... Позади  
Нѣмая ночь ловила кисть руки  
И отблескъ выпавшей манжетки.

На мягкомъ креслѣ такъ мечталось отъ тѣней,  
Такъ было вдумчиво въ нахмуренной гостиной,  
Что изъ столовой плыль созвучнымъ шепотъ  
чинный  
И легкій звонъ фарфора и ножей.

А тамъ наставили пкры и килекъ мутныхъ,  
Шершавой скатертью накрывъ тяжелый столъ...  
И крышка рухнула на клавиши, и полъ  
Отвѣтилъ дрожью шкафиковъ уютныхъ...

И недосказанное мучить! Лепестокъ  
Въ розеткѣ красной вытянулся чутко  
И ждетъ умоленного альтъ, жутко  
Заглядывая въ тайну нотныхъ строкъ.

## ТОТЪ ДОМЪ

Теперь она сидитъ комочкомъ за столомъ  
И шьетъ умѣлыми короткими стежками.  
Сѣдые кудерки надъ узкимъ желтымъ лбомъ  
И бровки сѣрыя надъ грустными глазами.

Отложить въ сторону работу, разотреть  
Ладонью жесткой узкія морщинки...  
А за ночнымъ окномъ, обходомъ, дождь идетъ  
И треплются березъ сквозныя пелеринки.

И видитъ старый домъ сквозь дождевую плеть,  
Что съ узкихъ, тусклыхъ лужъ курится мгла дым-  
ками,

Что ставни низкихъ дачъ успѣли запереть  
И вѣтеръ хлопаетъ намокшими холстами.

И вотъ она встаетъ, понюхавъ мигренинь,  
По комнатамъ пустымъ идетъ, шурша халатомъ,  
И поднимается въ холодный мезонинъ,  
Гдѣ вѣетъ отъ саше уютнымъ ароматомъ,

Гдѣ въ полумгнѣ сидитъ, пергаментно-суха,  
Застывшая, усталая старуха...  
Подниметъ кованную крышку сундука,  
Въ которомъ платья спать таинственно и глухо...

И, затаенный въ пыльных складкахъ, серпантинъ  
Шепнетъ о прошломъ памяти прилежной...  
Такъ мертвенно блеститъ ревнивый нафталинъ,  
Въ дѣвичьихъ кофточкахъ такъ много грусти  
нѣжной.

А вотъ фарфоровая кукла—вся въ шелку,  
Со старомодной простенькой прической!  
Слежался фартукъ, бантикъ на боку  
И пахнетъ старыми духами и известкой.

Потомъ она опять запретъ сундукъ  
Замкомъ пѣвучимъ, подойдетъ къ старухѣ,  
Положить руку ей на кисти узкихъ рукъ,  
И—вскинутся глаза, во мглѣ слѣпы и глухи...

И обѣ внизъ уйдутъ, и долго будутъ ждать,  
Какъ будто кто-то долженъ возвратиться...  
И стекла оконъ будутъ отражать  
Настороженные, приподнятыя лица.

## ВЪ СУМЕРКАХЪ

Сидѣлъ съ неизмѣннымъ Лоти за столомъ...  
И были подцѣплены сторы пажами;  
И маршъ „Подъ двуглавымъ орломъ“  
Выстукивалъ поваръ на кухнѣ ножами.

Остывшее солнце вонзило мечи  
Въ коверъ и въ высокія кресла устало;  
У книжнаго шкафа ключи  
Зажгло и на стеклахъ забрезжило ало

Задернулись окна безшумнымъ дождемъ  
И желтая книжка упала въ колѣни...  
Зажегъ папиросу; огнемъ  
Окрасилъ лицо и сгустилъ лиловатыя тѣни.

И стать привидѣнъ изъ дальнихъ временъ;  
Хранителемъ дома, пришедшимъ урочно...  
И дымъ—ткань истлѣвшихъ знаменъ,  
Огонь папирасы—таинственный камень восточный.

Надвинуть до блѣднаго рта капюшонъ  
И губы застыли глубокой улыбкой...  
Чу! вѣчности башенный звонъ  
Всплываетъ надъ бездною унылой и зыбкой.

Онъ далъ тебѣ сказочный обликъ и ты  
Дрожишь на мгновенье причудливой тѣнью,  
Велѣнъ вечерней мечты  
Нечаянно вызванъ сквозь сумракъ къ рожденью.

Покуда никто, помѣшавъ, не вошелъ,  
Скажи мнѣ о тайнѣ слѣпыхъ воплощеній—  
Въ старинныхъ преданіяхъ селъ,  
Иль въ сердцѣ моемъ лучезарная нить откровеній?

Подвластный державнымъ велѣньямъ моимъ,  
Глухой ворожбѣ одинокихъ раздумій,  
Скажи—что надъ міромъ глухимъ  
Размѣренно дышитъ сквозь саваны мумій?

Зажегъ съ купидонами лампу, спустилъ  
На мутныя стекла лѣнивыя сторы...  
Ушло привидѣнье могилъ,  
Закрылись безшумно надъ тайной затворы...

И вѣчности важной заглушенный звонъ  
Напрасно, приткнувъ, старался я слушать...  
Лоти перелистывалъ онъ,  
Прислуга сказала: „пожалуйте кушать!“

## У КАМИНА

У камина много передумано...  
У камина въ темномъ, жуткомъ залѣ!  
О продажѣ стараго имѣнія  
И о томъ, что выкупить едва-ли...

Подъ рукой лежало недописаннымъ  
Страшное, послѣднее письмо...  
На столѣ съ рѣзными шифоньерками  
Прадѣдомъ закапано сукно...

Подъ столомъ чесался пойнтеръ „Ласковый“  
И во снѣ куда-то все бѣжалъ...  
Пахло чубуками, краснымъ деревомъ  
И блестятъ недопитый бокалъ.

Зажигалъ свѣчу въ шандалѣ башенкой,  
Шелъ сутулый, зеркала пугая...  
Кто-то вдругъ кричалъ: „Ва-банкъ! Грабители!“  
Разбудилъ въ буфетной попугая.

Было душно въ низкихъ, теплыхъ комнатахъ,  
Кисея бѣлѣла на картинахъ...  
Возвращался снова къ кресламъ кожанымъ  
И, вздохнувъ, сѣдился у камина.

И потомъ нашли на утро тихаго  
На полу съ прижавшейся собакой...  
...Слишкомъ много было передумано  
У камина, тлѣвшаго во мракѣ.